

УДК 31.316.47

Социально-экономические детерминанты ксенофобии и националистического экстремизма / терроризма

ЛАТОВ ЮРИЙ ВАЛЕРЬЕВИЧ, доктор социологических наук, кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник Академии управления МВД РФ, полковник полиции.
E-mail: latov@mail.ru

АЛТУФЬЕВ ДМИТРИЙ ЮРЬЕВИЧ, заместитель главного редактора журнала «Межконфессиональная миссия».
E-mail: altufev_d@mail.ru

Аннотация. Рассматриваются объективные детерминанты межэтнических конфликтов (Кондопога в 2006 г., Бирюлево в 2013 г. и др.). Основными факторами, провоцирующими рост ксенофобии, являются этнодемографический дисбаланс и высокие межэтнические культурные различия. В ситуации социального благополучия принимающий социум терпим к притоку инокультурных мигрантов, но при социальной кризисности уровень толерантности снижается, что приводит к вспышкам насилия против «чужих».
Ключевые слова: ксенофобия; национализм; протестные выступления; экстремизм; этносоциология.

Socio-Economic Determinants of Xenophobia and Nationalist Extremism / Terrorism

YURI V. LATOV, Doctor of Social Sciences, Ph. D (Sociology), Ph. D (Econ), Leading Researcher of the Academy of Management Interior Ministry, Police Colonel.
E-mail: latov@mail.ru

DMITRY YU. ALTUFYEV, Deputy Editor Journal «Interconfessional Mission».
E-mail: altufev_d@mail.ru

Abstract. The article considers objective determinants of ethnic conflicts (Kondopoga in 2006, Biryulyovo in 2013, etc.). The main factors that trigger the growth of xenophobia are an ethno-demographic imbalance and big ethnic and cultural differences. In the situation of social welfare the host society is tolerant to the influx of migrants of other cultures, but in the conditions of social crisis the level of tolerance is reduced, leading to the outbreak of violence against «strangers».
Keywords: ethnosociology; extremism; nationalism; protests; xenophobia.

Мы живем в эпоху своего рода «революции этничности»: межэтнические отношения не только в России, но и во многих развитых странах мира (прежде всего в Западной Европе) выходят на передний план событий политической и социально-экономической жизни. Одним из частных проявлений этой «революции» является растущий уровень ксенофобии во многих европейских

странах. Речь идет о росте негативного отношения как «хозяев» (коренного населения) к «гостям» (этническим мигрантам), так и «гостей» к «хозяевам».

«Вершиной айсберга» становятся резонансные теракты — массовые убийства, совершенные по мотивам ненависти к «чужим»: взрыв на московском Черкизовском рынке и события в Кондопоге в 2006 г., дело А. Брейвика в Норвегии в 2011 г.,

дело «тулузского стрелка» во Франции в 2012 г., дело братьев Царнаевых в США в 2013 г., недавние события в московском Бирюлево и т. д. «Подводной частью айсберга» являются многочисленные акты межэтнического насилия, которые чаще всего регистрируются как проявления обычной «уличной» преступности, хотя некоторые из них становятся поводом к массовым беспорядкам (как это было на Манежной площади в Москве в 2010 г.). Вычленению межэтнических конфликтов из чисто бытовых «разборок» мешает то обстоятельство, что те, кого считают этническими мигрантами, очень часто имеют то же гражданство, что и их жертвы. Ложно понимаемые соображения политической корректности заставляют официально считать «обычными гражданами» тех, кого коренное население считает «чужими» и кто часто сам считает «чужими» представителей коренного населения.

Обе разновидности ксенофобии — ненависть «хозяев» к «гостям» и ненависть «гостей» к «хозяевам» — получили активное развитие в России 2000–2010-х гг. Чаще всего отмечают рост мигрантофобии: лозунг «Россия для русских», согласно данным опроса ФОМ в конце 2011 г., в разной степени поддерживали 44% опрошенных. Чаще всего респонденты аргументировали свою позицию тем, что «число мигрантов растет», «русские живут хуже, чем приезжие», «мигранты вытесняют русских с рабочих мест» и т. д. [1]. Реже обращают внимание на то, что отношение этнических мигрантов к русским тоже изменяется в последние годы в худшую сторону, о чем свидетельствуют частые сообщения СМИ об агрессивном поведении этнических мигрантов (особенно так называемых «кавказцев»). Высказывалось даже предложение ввести для обозначения негативного отношения этнических мигрантов к коренному населению специальный термин «кириофобия» (в буквальном переводе с греческого — неприязненное отношение к хозяевам). К сожалению, пока нет данных социологических опросов о степени распространенности русофобии среди представителей нерусских этносов — организации таких опросов препятствуют как закрытость этнических диаспор, так и либеральная асимметрия в восприятии и изучении проблем ксенофобии.

Либеральные общественные деятели (эта позиция ярко представлена у В. А. Тишкова) часто рассматривают всплески ксенофобии как результат «политической мобилизации» — манипуляций массовым сознанием со стороны консервативных сил [2]. Это можно рассматривать как современную версию

«большевистского» (во многом, но не во всем верного) подхода к «национальному вопросу», согласно которому «реакционному правительству» выгодно канализировать социальное недовольство народных масс, обратив его против не «классово чуждых», а «этнически чужих». С этим подходом парадоксально сближается подход критикующих «либеральное мессианство» обществоведов (например, у И. Ю. Сундиева), которые считают межэтнические столкновения результатом прежде всего манипулирования со стороны криминальных или даже «заграничных» сил [3]. Нам представляется, однако, что проблема взрывов ксенофобии категорически не сводима к проискам каких-либо манипуляторов и имеет определенные объективные социально-экономические основания, связанные со спонтанным развитием общественного сознания в кризисных социумах.

Мигрантофобия последних десятилетий является реакцией не столько на иноэтничность как таковую, сколько на вызывающе акцентированную инокультурность многочисленных мигрантов. Ведь развитые страны давно, с позапрошлого века, принимают «чужаков» из слаборазвитых стран (китайских кули, латиноамериканских чернорабочих...). Пока эти мигранты приезжали только на заработки и потом уезжали, особых проблем не возникало. Наличие большого числа иноэтнических подданных/граждан (афро-американцев в США, жителей «заморских департаментов» Франции, народов Кавказа и Закавказья в Российской империи...) обостряло «национальный вопрос» только на окраинах, поскольку считалось нормой жить на «малой родине». Те из мигрантов, кто стремился остаться в метрополии, сознательно старался ассимилироваться, и им это нередко успешно удавалось. Поэтому то, что советский диктатор И. В. Сталин был грузином, президент Франции Н. Саркози является сыном венгерского мигранта, а президент США Б. Обама — афро-американец, не порождало и не порождает у подавляющего большинства «нормальных» граждан никакой ксенофобии. Проблемы возникли, когда иноэтнические мигранты стали не просто переселяться на постоянное жительство, но и отказываться от ассимиляции, подчеркивая свою инокультурность и создавая этнические анклавы (чайнатауны, «маленькие алжиры» и т. д.). Пока количество не-ассимилирующихся мигрантов было небольшим, коренное население воспринимало их относительно спокойно. Однако события последней трети XX в. — прежде всего

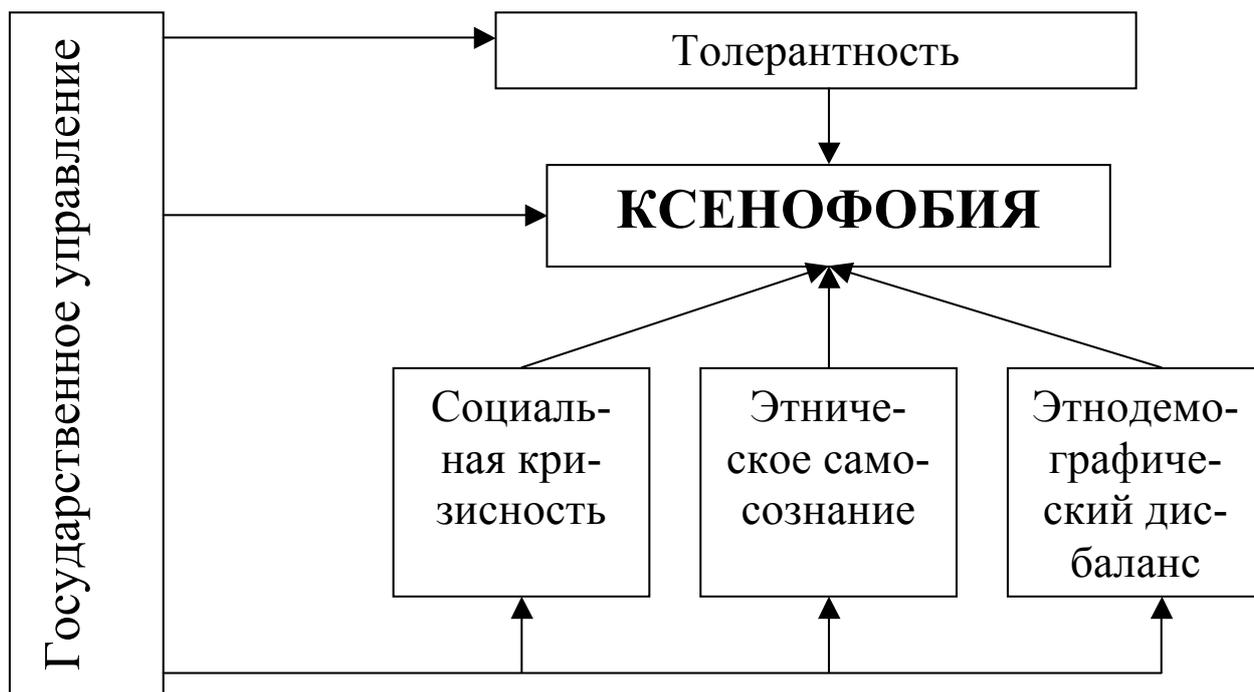

Рис. 1. Современный социальный механизм ксенофобии

новое Великое переселение народов в атмосфере общей социальной кризисности — создают качественно новую реальность.

Следует выделить ряд факторов, сумма разнонаправленных воздействий которых определяет рост или снижение ксенофобии в обществе (рис. 1). Это четыре объективных фактора (социальная кризисность, уровень этнического самосознания, этнодемографический баланс/дисбаланс, уровень толерантности) и один субъективный (государственное управление).

Социальную кризисность следует рассматривать как главную исходную предпосылку роста ксенофобии. Под социальной кризисностью понимается все то, что создает в социуме ощущение дезадаптации, «неправильности» и несправедливости. Часто социальная кризисность совпадает с экономическими кризисами, как это было в развитых странах во время Великой депрессии 1929–1933 гг. или в постсоветских государствах 1990-х гг. Возможны, однако, ситуации, когда рост социальной напряженности в обществе не связан непосредственно с экономическими катастрофами, например, «молодежная революция» 1968 г. в странах Запады происходила на фоне успешного экономического роста. Именно такая ситуация наблюдается в России начала 2010-х годов: экономика

находится на подъеме (пусть даже не очень устойчивом и сильным), но в обществе растет ощущение недовольства, проявлением чего становится рост протестных митингов и иных акций.

Наиболее общей причиной современной социальной кризисности в России является отчуждение государства и бизнеса от общества. Оно проявляется в институциональной коррупции (коррупционно-клановой системе сращивания власти и бизнеса), усилении имущественного расслоения, ослаблении социальных лифтов, нарастании элементов застоя в экономике и общественной жизни. Невнятная идеологическая позиция государства, отсутствие формулировки четких и понятных стратегических целей ведут к непониманию обществом направления развития своей страны, к восприятию социальных проблем как «социальных болезней» [4].

В ситуации, когда нет ясности, «кто виноват» и «что делать» (либо мнимая ясность есть, но главные виновники недоступны), социальное недовольство инстинктивно выплескивается на «чужих», иноэтнических. Агрессия против «чужаков» растет, даже если заведомо ясно, что их нельзя считать главными виновниками всех «социальных болезней». В связи с этим следует согласиться с Л. Гудковым, который отмечал, что в постсоветской России «комплекс социальных обид растет

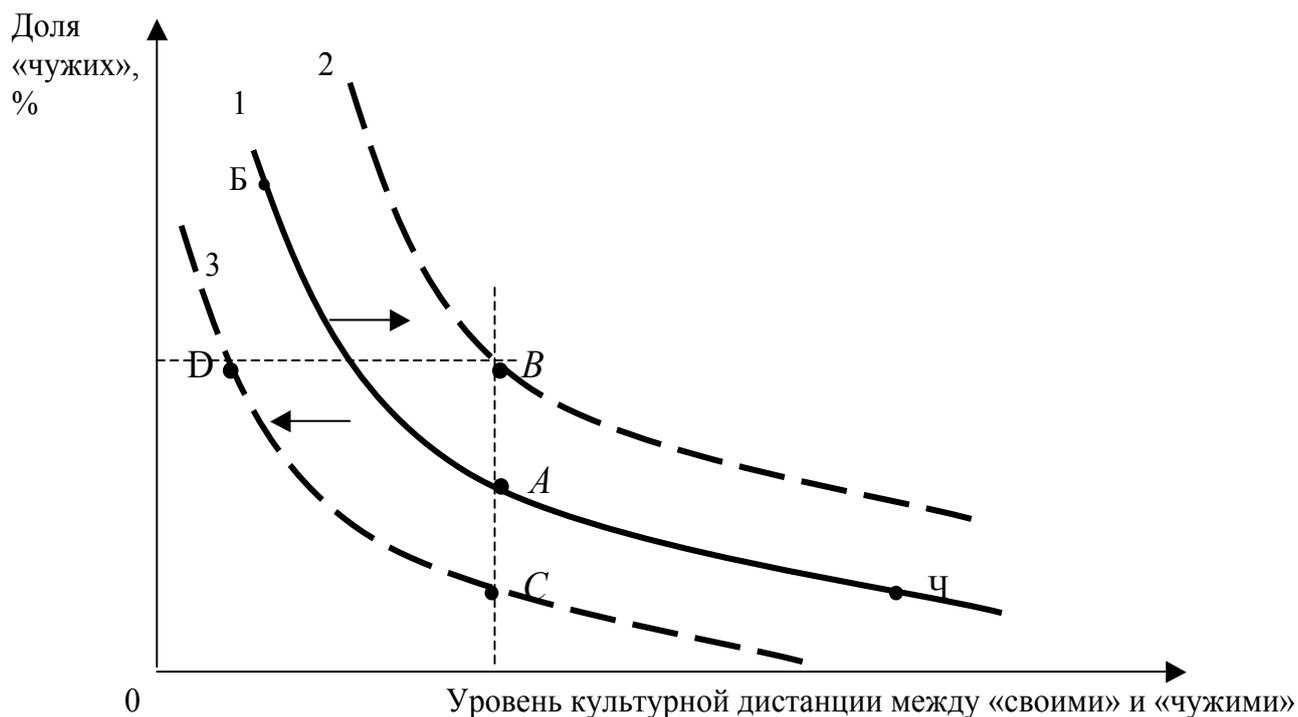

Рис. 2. Модель кривых этнического безразличия

очень сильно, но, что характерно: он не становится социально окрашенным, а принимает форму национальных обид, чувства притеснения со стороны других, этнически чужих, национальных противников и врагов» [5].

В истории можно найти много примеров, когда социальное недовольство выливалось в рост ксенофобии и насилия против «чужих». Примерами такого рода «выплесков» являются линчевания негров во время бунта в Нью-Йорке в 1863 г., еврейские погромы в России в 1905 г. и во время Гражданской войны, армянский геноцид в Турции в 1915 г., китайские погромы в Индонезии в 1966 г. В современной России подобные межэтнические столкновения пока остаются лишь локальными вспышками: наиболее резонансным примером стали события в Кондопоге в сентябре 2006 г., самой свежей вспышкой стали октябрьские события 2013 г. в Бирюлево.

Влияние социальной кризисности на ксенофобию можно проиллюстрировать при помощи модели кривых этнического безразличия (рис. 2). Эта модель построена по аналогии с экономической моделью кривых безразличия, описывающей поведение потребителей по отношению к различным наборам двух благ (товаров). В нашей модели описывается поведение коренного населения по отношению к различным наборам двух анти-благ.

Данная модель, описывающая восприятие «чужих» членами принимающего социума, основана на предположении, что для коренных жителей взаимозаменяемыми «раздражающими» характеристиками «чужаков» являются уровень культурной дистанции (степень «чуждости») и доля «чужих» в населении. Точки кривой этнического безразличия описывают отношение коренного населения к представителям всех других этнических групп. По горизонтальной оси отмеряются показатели культурной дистанции представителей различных этнических групп по отношению к коренному населению. Эти показатели могут быть измерены, например, на основе этнометрической методики Г. Хофстеда [6] или по шкале Богардуса. Чем выше будет культурная дистанция, тем ниже (при прочих равных) будет максимально приемлемая доля чужих в населении.

В современном российском обществе сложилась определенная иерархия восприятия социальной дистанции между русским большинством и другими этносами. На основе социологических опросов можно определить, каковы представления о степени «чуждости» той или иной этнической группы по отношению к русским, и, соответственно, какова готовность русских к взаимодействию с представителями этой группы. В частности, согласно данным

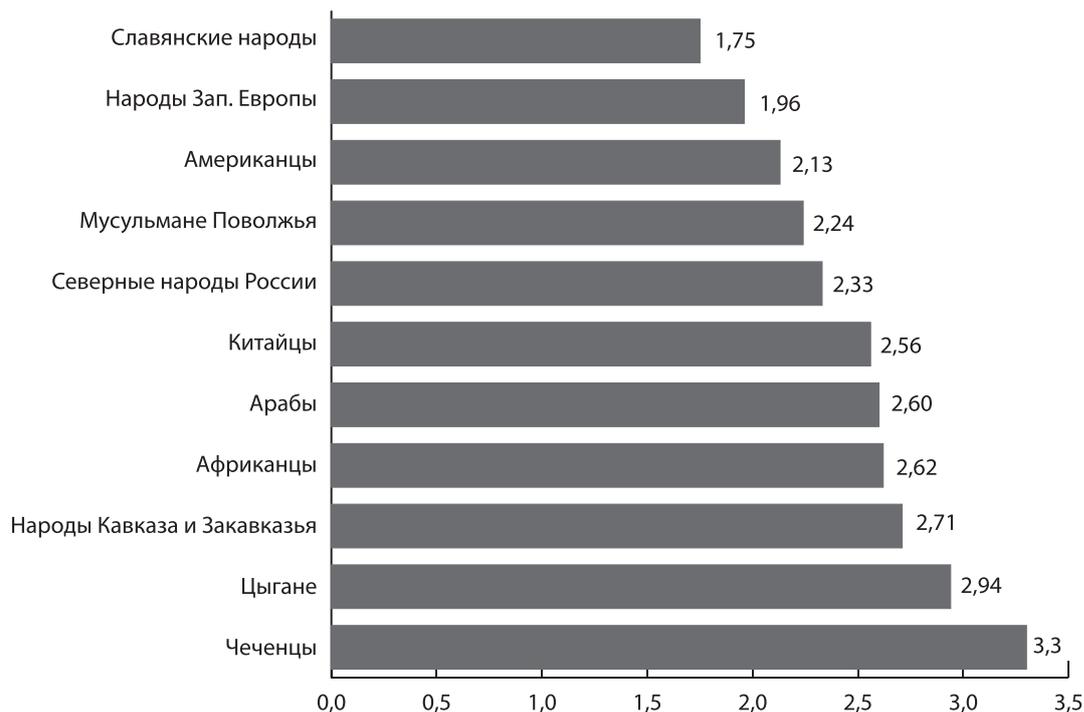

Рис. 3. Усредненный индекс социальной дистанции между русскими и другими народами: шкала варьируется от «целиком положительного» восприятия (0 баллов) до «целиком отрицательного» (4 балла) [7, с. 292].

опроса Левада-Центра, проведенного в 2004 г., в зоне «приемлемости», если принять за ее границу значение индекса социальной дистанции 2,5, оказываются «братские» славянские народы, народы западноевропейской цивилизации (включая американцев), а также народы Поволжья и северные народы, давно исторически вошедшие в состав России и в наши дни не вызывающие особого отторжения. Народы же Кавказа и Закавказья (особенно чеченцы) в восприятии опрошенных считаются даже более «чужими», чем арабы и африканцы, никогда не жившие в России (рис. 3). Хотя эти данные были получены почти 10 лет назад, за прошедшее время ситуация мало изменилась — общественное сознание обладает высокой инерционностью.

Пусть, например, социальная ситуация в каком-либо регионе современной России с абсолютным преобладанием русских описывается кривой этнического безразличия 1 (рис. 2). Тогда точка Б характеризует отношение русских к белорусам: между этими этносами почти нет культурных различий, поэтому в этом регионе может проживать очень много мигрантов-белорусов, не вызывая каких-либо ксенофобных реакций. Зато точка Ч показывает, что из-за высокой культурной дистанции между русскими и чеченцами в данном регионе опасно создавать многочисленную чеченскую диаспору, иначе возникает риск новой Кондопоги.

Желательно, чтобы точки, показывающие фактическое соотношение доли какого-либо «чужого» этноса в населении и культурной дистанции между местным населением и этим «чужим» этносом, лежали ниже кривой этнического безразличия. Если точки находятся выше этой кривой, то общество находится «под напряжением», в ситуации потенциального межэтнического конфликта.

Кривая этнического безразличия не является жестко фиксированной. Рост социальной кризисности снижает толерантность в обществе, его готовность мириться с анти-благами. Это сдвигает кривую этнического безразличия вниз и влево (из положения 1 в положение 3). Напротив, снижение социальной кризисности увеличивает толерантность — сдвигает кривую этнического безразличия вверх и вправо (из положения 1 в положение 2).

Рассмотрим на модели кривых этнического безразличия механизм влияния социальной кризисности на развитие ксенофобии, а также связанных с нею националистического экстремизма и терроризма.

Пусть на нашем графике точка А показывает, какая доля представителей определенного «чужого» этноса (например, азербайджанцев в Москве) будет восприниматься принимающим социумом как предельно допустимая в некий начальный момент

времени. Если в обществе снижается социальная напряженность (как в России в первой половине 2000-х гг.), то кривая этнического безразличия поднимется из положения 1 в положение 2. При этом предельно «терпимая» доля представителей этого этноса увеличится и будет определяться уже точкой В. Если же теперь в обществе происходит рост социальной напряженности (как в начале 2010-х гг.), то кривая этнического безразличия опустится из положения 2 в положение 3, а предельно допустимая доля представителей данного «чужого» этноса станет определяться точкой С, то есть снизится.

Чтобы избежать опасности межэтнических конфликтов, в ситуации роста социальной напряженности надо существенно снизить долю в населении представителей «чужого» этноса. Однако на практике нередко возникает «эффект храповика»: долю проживающих в регионе представителей иноэтнических групп можно относительно легко и быстро увеличить, но затем почти невозможно сократить. Это связано не только с тем, что трудовые мигранты не желают терять свои рабочие места, где получают высокую (по их меркам) оплату труда. Предприниматели также не заинтересованы увольнять таких работников, поскольку могут платить им зарплату (в том числе с использованием механизмов теневой экономики) значительно ниже той, за которую согласились бы работать местные жители. Наконец, часто мигранты создают социальные этнические сети: относительно немногочисленные мигранты сплоченно выступают против многочисленных, но разобщенных местных жителей, вытесняя их из некоторых видов профессиональной деятельности, после чего «выгнать» пришельцев практически невозможно, не разрушая социальную инфраструктуру. Так, в Астрахани ниша рыночной торговли сельхозпродуктами ранее традиционно принадлежала местному татарскому населению, но в 2000-е гг. татары были полностью вытеснены с рынков города выходцами с Северного Кавказа, активно использующими труд нелегальных мигрантов из Средней Азии. В результате вокруг центрального рынка Астрахани сложился крупнейший анклав кавказцев и таджиков в Южном федеральном округе.

Региональная государственная администрация оказывается в сложном положении: предельные показатели этнического безразличия описываются кривой 3, в то время как некоторые точки, характеризующие фактическое положение представителей иноэтнических групп в регионе (в частности,

точка В), лежат выше этой кривой. Это ведет к росту ксенофобных настроений, повышает вероятность экстремистских актов и даже терактов (вспомним взрыв на Черкизовском рынке в 2006 г.) на почве этнической нетерпимости.

Если долю «чужаков» трудно понизить, то из этой ситуации есть, в принципе, еще два выхода.

С одной стороны, можно попытаться преодолеть социальную кризисность и вернуть кривую этнического безразличия в положение 2. Однако социальный кризис носит обычно общегосударственный характер, поэтому справиться с отчуждением государства и бизнеса от общества на уровне отдельного региона вряд ли возможно (хотя можно это отчуждение несколько понизить).

С другой стороны, можно попытаться снизить уровень культурной дистанции между «чужаками» и местным населением. В идеале было бы добиться перехода из точки В в точку D: доля «чужих» останется по-прежнему высокой, но местные жители перестанут их воспринимать как неприятных и опасных «чужаков». Различные программы «воспитания толерантности» преследуют в значительной степени именно эту цель.

Однако на практике достижению этой цели препятствуют многие обстоятельства. Негативное восприятие «чужих» далеко не всегда является просто предрассудком, вызванным незнанием и непониманием культурных традиций иноэтнических «пришельцев». Вполне возможна обратная ситуация, когда отторжение «чужих» связано как раз с хорошим знанием их обычаев.

Современная болезненная реакция европейцев на «нашествие мигрантов» вызвана прорывом в культурную среду развитого капиталистического общества культурных традиций народов слаборазвитых стран. Многие из этих традиций — религиозный фундаментализм, демонстративная маскулинность, терпимость к коррупции, опора на личные связи, высокий коллективизм, склонность к авторитаризму, дискриминация женщин — резко противоречат культурным ценностям современной западноевропейской цивилизации. Поскольку российская цивилизация тоже является европейской (пусть даже периферийно-европейской), то приток большого количества «азиатов» и «кавказцев» не без оснований воспринимается русским этническим большинством как дополнительный фактор криминализации бизнеса и размывания культурных ценностей российской цивилизации. По словам А. Назаретяна, известного специалиста

по политической психологии и культурной антропологии, «если Россия в ближайшие десятилетия не будет защищена от бессистемной иммиграции внутренним демографическим ростом, то через 20–30 лет вместо Москвы будет Ош — возобладают средневековые ценности и нормы» [8]. Страшит исчезновение не мифической «русской крови» (в России никогда не культивировали «чистоту генофонда»), а вполне реальных культурных ценностей модернизированного общества.

Ядром современных программ по воспитанию толерантности является работа с русской молодежью путем, главным образом, распространения знаний «об обычаях и особенностях разных живущих в России народов». Такая односторонняя работа мало продуктивна, поскольку неприятие вызывает не склонность «чужих» петь другие песни на другом языке, а стремление «чужих» применять силу и тесную взаимоподдержку в тех сферах жизни, где местные не привыкли их применять. Осведомив русскую молодежь о существовании 150 народов и народностей, к которым необходимо проявлять терпимость, можно получить «синдром осажденной крепости». Чувствуя себя окруженными со всех сторон чужими и чуждыми национальными обычаями, представители этнического большинства начинают выдавать ответную агрессию — как в адрес «обнаглевших» этнических мигрантов, так и в адрес государства, которое поддерживает претензии «чужих» (вспомним теракт А. Брейвика). Воспитание толерантности, безусловно, необходимо. Однако следует устранить однобокость воспитательной работы, заключающуюся в направленности исключительно на этническое большинство, в результате чего оно начинает воспринимать идеологию толерантности как призыв к покорности. Воспитывать толерантность важнее в первую очередь у представителей «воинственных» народов, чтобы предотвратить бытовое межэтническое насилие.

Ни в коей мере не отрицая полезность культурной работы (в первую очередь в долгосрочном периоде), необходимо признать, что в современной России она не может быть главным инструментом

решения текущих (кратко- и среднесрочных) проблем межнациональных отношений. Реально приходится выбирать между мерами регулирования этнодемографического дисбаланса (миграционные фильтры, принудительные выселения нелегальных мигрантов, качественно разные меры стимулирования рождаемости по отношению к разным этническим группам) и мерами по снижению общей социальной кризисности российского социума. Скорее всего, в конце концов придется выбрать и то, и другое.

Литература

1. Слова и славяне: опрос ФОМ (18. 11. 2011) [Электронный ресурс] URL: <http://fom.ru/obshchestvo/10257> (дата обращения: 01. 12. 2013).
2. Тишков: власти не должны допускать ксенофобии // Xenophobia Prevention Initiative 24. 06. 2011 [Электронный ресурс] URL: <http://stopxenophobia.org/?p=2409> (дата обращения: 01. 12. 2013).
3. Милкус А. Россия — часть нового халифата? // Комсомольская правда. 2013. — 31 окт. — № 142; — 1 нояб. — № 143.
4. Рывкина Р. В. Социальные болезни российского общества как объект научного изучения // Общественные науки и современность. — 2009. — № 3.
5. Гудков Л. Д. О развитии русского национализма / Стенограмма круглого стола на тему «Русский вопрос в России» в фонде Либеральная миссия, Москва, 4 ноября 2002 г.
6. Латов Ю. В., Латова Н. В. Этнометрический подход к сравнительному анализу хозяйственно-культурных ценностей // Вопросы экономики. — 2008. — № 5.
7. Леонова А. Неприязнь к мигрантам как форма самозащиты // Отечественные записки. — 2004. — № 4 (19).
8. Назаретян А. Россия может дать урок всему миру [Электронный ресурс] URL: <http://razgovor.org/nauka/article978> (дата обращения: 03. 12. 2013).